

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 1 (60)

Черкесские армяне (адыгэ ермэлхэр). Материалы к историко-этнографическому описанию армянской общины Черкесии.

В Черкесии на протяжении XIV-XIX вв. существовали национальные общины евреев, греков и армян. И, если евреи ассимилировались в адыгской среде полностью к XVIII в., то греки (урымхэр) и (ермэлхэр) сохраняли определенные черты культурной самобытности вплоть до XIX в.

В источниках XIX в. утвердился этноним черкесогаи, то есть черкесо-армяне, который отражал высокую степень интеграции армян в адыгское общество. В период проживания в Черкесии, и сразу после переселения, черкесогаи называли себя, согласно записям русских чиновников, «эрмель» (адыг. ермэлэ «армянин»), но при этом четко осознавали, что в культурно-бытовом отношении они резко отличались от остальных армян. (Аракелян Г. С. Черкесогаи. (Историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984. С. 67).

В 1850 г. И. Иванов, исследовавший вопросы истории и этнографии черкесогаев, писал: «По рассказам армавирских стариков, назад тому лет двести или более, предки их, недовольные смутами, происходившими в Крыму во время владычества ханов, обремененные налогами и претерпевая сильные гонения за веру, давно задумывали куда-либо удалиться от этих неприятностей; наконец, при одном хане они приняли решительное намерение и, бросив свои жилища и имущество, бежали в Черкесию, знакомую им еще прежде по торговым сношениям. По прибытии в горы, черкесы приняли их ласково и дали у себя убежище, обещая защищать от всех стеснений ханских, и в знак дружбы молодым их пришельцам предложили в супружество своих дочерей. Армяне приняли это предложение, но с условием, чтобы жены и дети их исповедывали христианскую религию. Черкесы... несколько в том не противились своим гостям и уверяли даже их, что они останутся навсегда свободными в исповедании христианства и будут дела семейные и гражданские решать по своим обычаям. Убежденные в этом, крымские выходцы расселились по аулам, женились на горских красавицах (от этих-то черкеше-

нок и армян происходят нынешние обитатели Армавира) и жили преспокойно». (Цит. по: Аракелян Г. С. Черкесогаи. С. 44).

Как видим, информаторы Иванова очень высоко оценивали этническую и религиозную толерантность черкесов. В таких воспоминаниях очевидно просматривается ностальгия по прежней жизни в Черкесии.

Указание на Крымское ханство, как на страну происхождения большей части черкесогаев содержится, в той или иной интерпретации, во всех преданиях черкесогаев.

селах и городах; при переселении армян они, не желая отставать от своих земляков, приняли христианскую веру и вместе с ними переселились на Дон». (Там же. С. 69). Поркшеян предполагал даже, что одна из деревень, Несветай, полностью состоит из обармянившихся черкесов.

Некоторые черкесы, принявшие христианство, впоследствии стали духовными пастырями, в частности, в селе Большие Сады, недалеко от Нового Нахичевана, в 80-х гг. XIX в. священником армянской церкви был черкес по происхождению Ованес Автандилян, а

весь Крым // Северный Кавказ в европейской литературе... С. 193).

Минас Медичи (Бжишкян), автор «Истории Понта», изданной на армянском языке в Венеции в 1819 г., побывал на черкесско-абхазском побережье в 1815 г.: «Геленджик... В этих местах, кроме абазских, есть еще два села – Атуха и Бзатух, где все жители армяне, которые имеют церковь и священника. Они – бывшие жители крепости Керман, пришедшие раньше из Аджемистана, а затем бежавшие сюда. Они имеют нравы абазов. Они более всего ревностны к по-

затем скончался, и его могилу мы видели. Их девочки по одежде и всем поведением своим похожи на абазских. Они надевают себе на голову кокошник (халбах?), который сами же делают». (Меликсет-Бекон Л. М. Pontica Transcaucasica Ethnica (По данным Минас Медичи от 1815-1819 гг.) // СЭ. 1950. № 2. С. 170)*.

Л. А. Погосян, автор исследования «Армянская колония Армавира», отмечает, что первые попытки вычленить армянскую общину из Черкесии предпринимались при Екатерине II: «Иосиф Аргутинский (архиепископ российских армян, годы жизни: 1743-1801. – Прим. С. Х.), начиная еще с 1783 г. (когда он был приглашен в Георгиевск для участия в переговорах с Грузией) при поддержке графа Г. А. Потемкина устанавливает связь с черкесскими армянами и входит с ними в тайные переговоры. По этому поводу у Лео читаем: «...Разве переговоры Иосифа с

Помощники волостного старшины (слева направо): С.А. Беликов, А.Х. Асланов, С.Е. Левтеров, А.Т. Богосов.

Эта и последующие фотографии взяты из книги: Щербина Ф. А. История Армавира и черкесогаев. Екатеринодар, 1916.

Х. А. Поркшеян отмечал, что в составе армянских общин Крыма были фамилии черкесского происхождения: «И в Нахичевани, и в селах, особенно в селе Крым, много граждан, носящих фамилию «Черкесян». Старики, на основании преданий, уверяли нас, что эти Черкесяны – бывшие черкесы. Все они проживали в Крыму вместе с армянами в

в Крестовоздвиженском монастыре близ Нахичевана в конце XVIII в. настоятелем был архимандрит Черкес Ованес.

Австрийский купец Клеман в 1768-1770 гг. отмечал, что «многие армянские купцы в Каффе женаты на черкешенках». (Клеманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, также в земли буджатских и ногайских татар и во

минкам. Другим обычаям они не следуют особенно. Они уважают священника как должно, хотя полны невежества. Они искусны в торговле и охоте, больше же ничего не знают. Они говорят вообще по-абазски (то есть по-адыгски. – Прим. С. Х.), но знают и армянский язык. Они имеют церковь, где раньше пребывал вардапет, который заботился о них,

*Следуя османской этно-географической номенклатуре, согласно которой все побережье обозначалось как Абазия, армянский путешественник все население побережья Черкесии и Абхазии называет абазами. Но при этом он подчеркивает, что северные абазы говорят по-черкесски и приводит черкесские-адыгские слова и предложения (молитвы). Совершенно очевидно, что население Геленджика являлось, в подавляющей своей массе адыгским, а сам этот район входил в состав адыгской области Натхокуадж. Адыгоязычность же натухаевцев засвидетельствована массой источников. Словарь черкесов-натухаевцев приводит современник Минас Медичи Тебу де Мариньи. (Мариньи Т. де. Поездки в Черкесию / Пер. с франц. К. А. Мальбахова. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. С. 204-207).

Данный комментарий может показаться большинству наших читателей излишним, но мы посчитали его необходимым в виду периодически возникающей в литературе ошибочной трактовки термина абаз, как полностью синонимичного этнониму абазин.

ИСТОРИЯ ЧЕРКЕСОГАЕВ

черкесскими армянами не касались поддержки русских в этих краях, или он просто хотел сблизить очеркесившихся армян с армянами?». Переговоры Аргутинского с черкесскими армянами могли иметь только одну цель: объединить, организовать армян и поселить их на русской земле. Аргутинский разработал проект, по которому нахичеванские армяне получали южную часть Самбекской степи (район к западу от устья Дона, небольшая река Самбек впадает в Таганрогский залив Азовского моря. — Прим. С. Х.), а черкесские армяне — северную часть. Получив согласие графа Г. А. Потемкина, пишет Х. Поркшеян, архиепископ начинает вести тайные переговоры с руководителями черкесских армян. Представители последних приглашаются в Нахичеван (имеется в виду поселение крымских армян, основанное в 1779 г. на правой стороне Дона; в 1838 г. город получил название Нахичевань-на-Дону. В 1928 г. Нахичевань-на-Дону был упразднен в связи с включением в состав Ростова-на-Дону. Тем не менее, топоним «Нахичевань» продолжает неофициально использоваться жителями Ростова применительно к соответствующей части города. — Прим. С. Х.), где им устраивают теплую встречу. Город так понравился черкесским армянам, что они поставили на обсуждение вопрос о переселении армян в Нахичеван. Но нахичеванцы не согласились. То, что закубанские армяне действительно намерены были поселиться в Нахичеване, подтверждается еще одним упоминанием. У Буткова читаем: «В октябре 1791 г. во время сражения против черкесских племен армяне, обитавшие в трех селениях, лежащих у рек (одно — на Шаушке, называемое Гаурхабл, другое — на Пшизе, называемое Адепсу-Хай, и третье — на Илье, называемое Хатукай), изъявили желание перейти в Нахичеван и отправились туда в числе 390 душ обоего пола». Как в первом случае, желание черкесских армян не осуществилось. Массовое переселение черкесских армян, дважды пытавшихся переселиться в Нахичеван (в 1784 и 1791 гг.), не удалось. Точка зрения Х. Поркшеяна, будто прибывших в Нахичеван представителей черкесских армян встретили радушно, но не дали согласия на их переселение в Нахичеван не подтверждается». (Погосян Л. А. Армянская колония Армавира // http://86137.ru/pogosyan_content.htm).

В 1835 г. командующий Кавказским корпусом барон Розен отмечал: «Одни только нахичеванские армяне до сих пор еще имеют некоторые связи в земле горцев, ибо за Кубанью с давних времен поселились одноверцы их, совершенно принявшие образ жизни черкесов, но не покинувшие природной склонности к торговле».

(АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 641).

Джеймс Белл, английский доброволец в Черкесии, в 1838 г. в долине Квафф гостил у Цекваха-Оку Киртянца, об армянском происхождении которого он ничего не сообщает. «Когда мой хозяин Цекваха-Оку Киртянец узнал, что я желал бы здесь пробыть некоторое время, он не только высказал свое пожелание, чтобы я остался здесь на целые годы, но тотчас же перевел меня на житье из кунацкой в красивый маленький домик недалеко от своего, находящегося посередине аула, стараясь изо всех сил быть внимательным ко мне». (Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост., вступ. статья и прим. В. К. Гарданова. Нальчик: «Эльбрус», 1974. С. 506. Далее — АБКИЕА). Белл отмечает, что Киртянец участвовал в черкесских религиозных празднествах, проходивших в священных рощах, в которых находилось множество деревянных крестов. (Там же. С. 508-509).

Кроме того, Белл заметил в своем дневнике, что воспитателем сына известного и авторитетного военного предводителя Мансура Хаудоко-Шупако, первостепенного натухаевского узденя, являлся армянин Артэн, проживавший в верхней части анапской долины. Белл со своими спутниками гостил в доме у Артэна: «Впервые мы увидели второй этаж или, скорее, галерку, куда можно подняться по деревянной лестнице». (Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 1. Нальчик: «Эль-Фа», 2007. С. 284).

На карте 1837 г., посвящен-

ной походам 1834-1836 гг. в Натухай и Шапсугию, в непосредственной близости от Абинского укрепления отмечен аул Гаур-хабл. Еще два, видимо, армянских аула с названиями Хаур и Гаур отмечены между Абином и Баканом. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6732. Карта следования войск действующего отряда за рекой Кубанью в 1834, 1835 и 1836 годах).

Черкесогаи вели обширную торговлю. В XVIII в. на территории Украины известен целый ряд купцов-армян с фамилией или прозвищем Черкес. Армянскую общину города Бережан возглавлял Богдан Черкес. В Киев в 1766 г. из Могилева-Подольского прибыл Хаджи Черкес Хакиев сын Гамеданов, попросивший разрешения вести торговлю в Черкасске на Дону.

Помимо черкесогаев в торговом обороте Черкесии принимали самое активное участие кизлярские, моздокские и нахичеванские армяне. Моздокский армянин Захар Иванович Чергилов предоставил Генриху-Юлиусу Клапроту, известному немецкому ориенталисту, весьма обстоятельную и разноплановую информацию о Карачае, став, таким образом, фактически, соавтором академика в этой части его труда. Более того, описание Чергилова является первым основательным этнографическим обзором Карачая и карачаевского этноса. (АБКИЕА. С. 245-255).

Зачастую армянские купцы выступали в роли черкесских агентов на русской территории. Так, например, в 1779 г. некий армянин устроил поджог в Андреевской крепости, накануне планировавшегося нападения на нее кабардинского ополчения. (Грабовский Н. Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость.

Нальчик, 2008. С. 104).

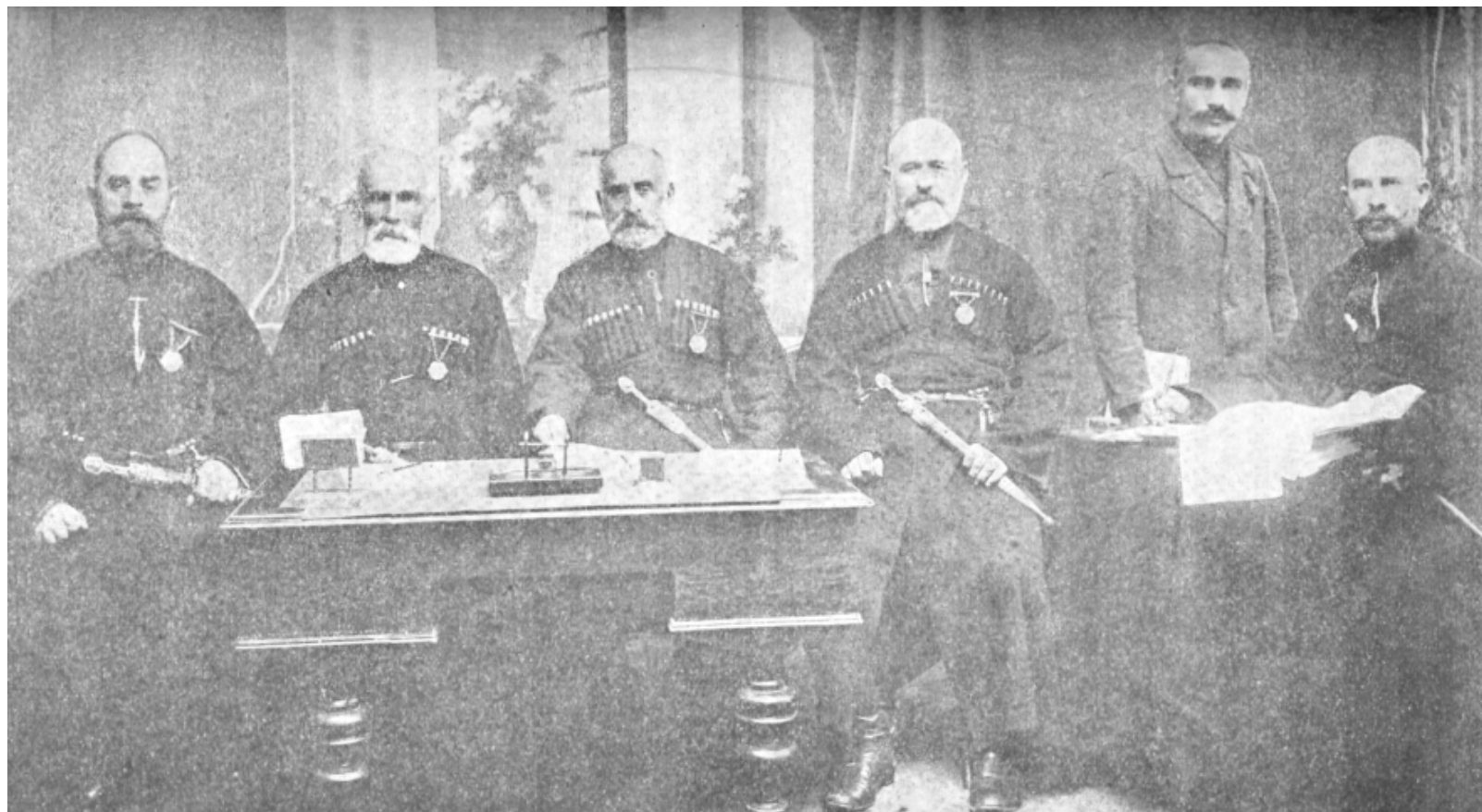
В Черкесии черкесогайская община, по всей видимости, осуществляла большую часть экспорта. Царская администрация пыталась ограничить долю черкесогайских купцов в торговле с черкесами, но безрезультатно. Поскольку торговля расценивалась как средство воздействия на черкесское общество, военный губернатор Ланжерон запретил черноморским казакам «всякие сношения с армянами» и приказал «стараться как наивозможно привлекать к тому самих черкесов». В 1818 г. попечитель торговли с черкесами на кавказском побережье Черного моря Скасси писал Ланжерону, что «весьма трудно будет запретить армянам производить монополию с черкесами... Без сомнения, армянам запрещено торговать в той части Кубани, которая занята черноморскими казаками, ибо они имеют на сие исключительные права, но они торгуют на границе их (черноморских казаков. — Прим. С. Х.) в Усть-Лабе».

После торговли на черноморском участке границы для армянских купцов разрешили и потом вновь запретили. В 1828 г. последовало очередное категоричное запрещение и дело дошло до того, что армянские купцы стали покупать себе свидетельства у черкесских владельцев, что они являются их крепостными и, соответственно, товар принадлежит, на бумаге, данным владельцам. Российским таможенным чиновникам не к чему было придраться и в Черноморию хлынула масса коммерсантов из Закубанья. (Аракелян Г. С. Черкесогаи. С. 79-80).

С. Филонов, автор очерка о событиях на Кавказской линии в период командования генерала Г. А. Эммануэля, отмечает, что 26 мая 1828 г. отряд

войск под личным командованием Эммануэля реквизирует все продовольствие и фураж в армянском ауле Гяур-хабл, в районе Келермеса. И это несмотря на то, что население этого аула не оказало сопротивления при его занятии. Еще два армянских аула, Хоташупой и Пшиноог, избегли мародерства только по той причине, что в них находился значительный черкесский отряд и они были окружены густым лесом. Опасаясь большой потери в войсках, главнокомандующий не стал атаковать эти аулы. (Филонов С. Кавказская линия под управлением генерала Эммануэля // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 327-451). Этот же эпизод описан существенно иначе у историка Кавказской войны В. А. Потто: «двигаясь назад между Лабой и Белой, войска прошли мимо аулов, заселенных исключительно армянами, которых не тронули, потому что и они со своей стороны ко всему происходившему вокруг них относились совершенно безучастно». (Потто В. А. Кавказская война. Т. 5. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. С. 289).

Вряд ли можно было относиться «совершенно безучастно» к происходящим рядом военным действиям, направленным против страны, жителем которой являешься. Эта легкомысленно-высокомерная манера повествования, усвоенная историками Кавказской войны, позволяла им ловко обходить все нежелательные вопросы. Если черкесогаи «думали только о барышах», как это пытается представить В. А. Потто, то почему они предпочитают жить в мусульманской стране, которая, де-факто, находится в состоянии войны с христианской империей? Ответить на этот вопрос не представляется возможным, если

Армавирский волостной суд. Судьи (слева направо): М.Г. Попов, Е.К. Каспаров, К.М. Джазупов, Б.Е. Ханжиев. Стоит рассыльный С.Е. Лухраев, крайний справа писарь Н.И. Арчинбсов.

ИСТОРИЯ ЧЕРКЕСОГАЕВ

идентичность черкесогоаев сводить к «барышам и наживе».

Аулы, упомянутые Потто, находились во владении князей Болотоковых, которые были заинтересованы в привлечении торгово-промышленного населения и являлись самым надежным гарантом безопасности и соблюдения прав черкесогоаев и других неадыгских общин своего княжества. Другое дело, что после неоднократных масштабных карательных экспедиций, которые обрушились на Темиргоевское (Болотоковское) владение, князья уже не могли в полной мере осуществлять свои управленческие функции. На территории Темиргоя черкесогоаевское население было сконцентрировано, в основном, в таких аулах, как Адыхой, Гяур-хабль, Егерухай и Зути. Армянский священник из Моздока Иоанн Хозров в 30-е гг. XIX в. прибыл в Темиргой, где крестил черкесогоаев из 277 домов, расположенных в 13 аулах.

До 1829 г. территория Черкесии считалась частью Османской империи. Но армянская община Черкесии не выражала никакого недовольства условиями своего существования в Черкесии и не стремилась к переезду на правую сторону Кубани – в Российскую империю. Черкесогоаи не предпринимали шагов к эмиграции из Черкесии даже в условиях достаточно частых русско-турецких войн второй половины XVIII – первой трети XIX в.

После Адрианопольского договора Закубанье стало российской территорией – по крайней мере, так считали в Петербурге. Но де-факто территория черкесов оставалась враждебной и оставались прежними методы регулирования торговли. В 1840 г., то есть уже после основания Закубанского Армянского аула (будущего Армавира) с нескольких хуторов правобережья, принадлежавших офицерам-черкесам, были высланы в Закубанье 259 черкесогоаев. На фоне таких

действий высшего военного начальства в регионе совершенно неуместными выглядят панегирические тона в современных псевдоисторических экскурсах, направленных на возвеличивание Засса, как некоего спасителя армянской общины Черкесии.

Политика, направленная на ограничение коммерческой деятельности армянской общины в Черкесии, являлась лишь частью того массированного и многоканального давления на Черкесию, целью которого была полная дезинтеграция черкесского общества, его полное подчинение колониальной власти. Имея в виду только эту цель, российские военные власти в регионе приложили максимум усилий к тому, чтобы переселить армянские семьи и целые аулы из Черкесии в Россию.

Обычно, в литературе подчеркивалась (особенно в этом преуспел Ф. А. Щербина) шпионская и военная деятельность армянского населения в пользу царских властей. Как и любой другой этнос или социальная группа, оказавшаяся в ситуации масштабного военного конфликта между двух противоборствующих сторон, черкесогоаи были неизбежно втянуты в деятельность такого рода. Но, надо всегда помнить, что подавляющее число русских шпионов и лазутчиков составляли собственноручно черкесы. Значительный или даже больший процент лиц, сотрудничавших с царской администрацией и военным командованием, составляли представители черкесской аристократии.

В марте 1838 г. генерал Е. А. Головин, командующий Кавказским корпусом, сообщал военному министру графу А. И. Чернышеву: «Начальник Кубанской линии ген.-м. Засс доносит мне следующее: Получив известие, что уздени егерукаевского племени, обитающего на левом берегу Лабы, побуждаемые абадзехами, начинают явно возмущать свои аулы и готовы подняться для удаления к непокорным горцам, он донес о том ген.-л. Вельяминову и вслед затем отправил наблюдательный отряд на р. Лабу, чтобы страхом близкого оружия удержать их от бегства. По прибытии в отряд, 3-го числа этого месяца, он собрал узденей и старшин егерукаев-

ских и, внушив им, с одной стороны, полное доверие к справедливости и благотворной попечительности нашего правительства о мирных подданных, с другой — всемогущество его к преследованию и наказанию изменников, успел успокоить колебавшийся народ и, не прибегая к насильственным мерам, вновь получил от него единодушную присягу на верноподданство Г. И.

Пользуясь изъявлением безусловной покорности, ген.-м. Засс приступил к переселению издавна живших между егерукаевцами и темиргоевцами армян, которые, претерпевая от владельцев своих разорение и будучи христианами, имели право на защиту нашего правительства. Больших трудов, однако же, стоило склонить хозяев аулов выпустить из-под власти армянские семейства, бывшие жертвой их корыстолюбия.

Освобожденное в этот раз

Айвазов Нану, он же Христофор, милиционер, спасший казачий обоз в метель 1867 г.

число армян с прежде переселенными на Кубань ген.-м. Зассом составляет до 250 семей. Он полагает поселить их за Кубанью, при р. Урупе, между Георгиевским и Прочно-Окопским укреплениями.

На предназначенном месте жительства армяне найдут с избытком средства для земледелия и скотоводства; при предприимчивости своей в торговых оборотах и промышленности, они скоро могут улучшить свое благосостояние и принести пользу даже в отношении распространения промышленности между закубанцами. При навыке к обороне аулов, приобретенном ими между горцами, они, как полагает ген. Засс, с помощью небольшого гарнизона, легко могут защитить свои семейства от нападений хищников». (Репорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 30 марта 1838 г., № 373 // АКАК. Т. IX. С. 445-446).

На протяжении 30-х гг. XIX в. Темиргоевское владение, фактически, прекратило свое существование. 25 марта 1839

г. генерал-майор Засс составил проект управления «мирными закубанскими горцами», в котором предлагал поселять армян «на левом берегу р. Кубани против Прочного Окопа. Число их ныне — 761 душа муж. пола». Непосредственное администрирование должен был осуществлять пристав. Предполагалось также, что «армяне, будучи христианами, не подлежат окрестному суду по народным обычаям горцев, а должны составить особую волюсть и быть управляемы по нашим законам». (Об управлении мирными закубанскими горцами. Репорт генерал-майора Засса командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, господину генерал-лейтенанту и кавалеру Граббе // Бесленей — мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII-XIX вв. Сост. и вступ. ст. С. Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 93-95).

53 черкесогоаи вышли из Абадзехии и основали отдельный аул у Пашковского куреня. Несколько семей черкесогоаев поселились в Гривенском черкесском ауле. Затем они переселились в Переяславскую станицу, куда стали собираться и другие переселенцы — черкесогоаи и черкесские греки. К 1859 г. в этой станице насчитывалось более 200 черкесогоаев, многие из которых в 1860 г. переехали в Армавир. Черкесогоаиские семьи поселились также в Пашковской, Брюховецкой, других станицах.

В 1842 г. в Закубанском Армянском ауле черкесогоаиское население составляло: мужчин 730, женщин 603. «Крестьяне или холопы» черкесогоаев: мужчин 277, женщин 270. Расположение: «на р. Урупе близ Георгиевского укрепления». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 416).

Барон Сталь в 1852 г. отмечал: «Против Прочноокопской крепости, на левом берегу Кубани, находится армянский аул Гяур-хабль, водворенный генералом Зассом, из всех армян живших рассеяно в горах. Число дворов аула 520, мужского пола 2367 душ, женского — 2633 души, а всего более 5000 душ обоого пола... Армяне имеют у себя много крестьян, вымеченных у черкес. Эти крестьяне часто делают побеги в горы». (Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник / Под ред. генерал-майора Потто. Т. XXI. Отд. II. Тифлис, 1900. С. 79).

Переселение черкесогоаев в

Волостной старшина О.П. Кусиков.

русские пределы далеко не являлось бегством от черкесов. Мы видим, что население черкесогоаев вместе с черкесами выдерживало небывалый военный прессинг со стороны Российской империи, начиная с екатерининской эпохи. Многократные и весьма масштабные карательные экспедиции могли заставить подумать об эмиграции кого угодно, не только черкесогоаев. Тем не менее, даже после ежегодных карательных рейдов многотысячного корпуса Вельяминова по Натухаю и Шапсугии в 1834-1837 гг., весьма показательно, что черкесогоаиская община сохраняется в Западном Закубанье, а ее представители, выразившие свое пожелание переселиться на подконтрольные русским земли, не бегут, очертя голову, а неспешно переписываются с русским командованием и, более того, выдвигают условия, на которых они согласны перейти к русским.

В этом плане группу характерных источников приводит В. И. Колесов, исследователь истории черкесогоаев и черкесских греков. Так, черкесогоаи Дударук Чагунов, Хапак и Борок Богорсуковы в 1843 г. «изъявили желание переселиться... для чего намерены при постоянных с нашим краем сношениях, перевести постепенно (не заметным для черкес образом) свое состояние в разном имуществе заключающееся». Переселение не состоялось, но указанные лица несколько раз воспользовались годовым разрешением на пересечение границы, прибывая с значительными количествами товара — воска и пушнины.

В 1845 г. поступило прошение от трех черкесогоаев — Борока Богорсукова, Дударука Чагунова, Джалауви Каспарова, — на имя наместника Кавказского графа Воронцова: «Отцы наши, хотя рожденные

Волостной старшина Б.Д. Шах-Назаров.

ИСТОРИЯ ЧЕРКЕСОГАЕВ

и воспитанные Закубанью, но чуждые свойственного горцам своеволия и безначалия, вполне постигали благие цели русского правительства, а потому не только сами охотно служили видам онаго, но еще старались по возможности склонять к тому горцев, у коих вообще пользовались они известностию и уважением, а особенно предки из нас Бороха Борукова, которые более 200 лет тому назад приобрета на речке Абыне землю богатую лесами и угодиями, на расстоянии более 20 верст спокойно сами владели ею, как неприкосновенной собственностью и которой владеет на таких правах Борох Боруков с двумя братьями своими Асланом и Пшемафом. Следуя доброму примеру родителей, мы явили опыты неизменной преданности нашей русскому правительству, постоянно стремясь обратить на себя внимание правительства как личными услугами так... поддерживать горцев от неприятных действий против русских и склонить их к дружбе с ними... будучи уполномочены от многих закубанских армянских семейств таким же обещанием... [просят] 1. ..дозволить нам выбрать по правую сторону Кубани место, на котором мы, в случае притеснения со стороны горцев, имели бы полное право во всякое время переселиться с тем. Чтобы дозволено было нам, не записываясь в сословие Черноморского казачьего войска или какое либо другое, пользоваться всеми выгодами той земли, а сверх того невозбранно владеть нам и потомкам нашим крестьянами, находящимися у нас во владении Закубанью; 2. [Бороху Боруку и братьям его Аслану и Пшемафу вернуть их земли, если те перейдут под власть России]...

на подлинном написано закубанский армянин Борок Боронов сын Боруков своеручно. Закубанский армянин Дударук Михачлов сын Джагулов и Джеловши Симонов сын Каспаров, а вместо их неграмотных... подписал армянский священник Иосиф Хосров. 21 сентября 1845 года. Екатеринодар» (Колесов В. И. Из истории черкесогоаев Богарсуковых: переселение в Россию и актуализация идентичности // <http://slavakubani.ru/print.php?table=1&type=1&id=381>).

Как отмечает Колесов, переселение этих семей в феврале 1846 г. «обсуждалось Заводовским и Раппишем, но положительно (с точки зрения черкесогоаев) решен не был». В 1846 г. поступило еще одно прошение от братьев Богорсуковых и шапсуга Ротока. Видимо, поняв, что на правом берегу их не поселят, просители выбрали компромиссный вариант – поселиться на реках Аушец и Кунис, близко от русской границы, но в Закубанье. Юридически и фактически эта земля была черкесской, но уже ряд лет пустовала, поскольку через этот район многократно двигались войска: жить здесь было возможно только с позволения русских военных властей:

«1846 года октября 15 дня. Мы нижеподписавшиеся ныне жительствующие в районе шапсугов на р. Абыне, закубанские армяне Аслан Богорсуков, Борок Богорсуков, Пшемаф Богорсуков и Гапак Богорсуков и простой вольный шапсуг Сейн Роток, движимые искренней приверженностью и неизменной преданностью к русским, возымели намерение переселиться со всеми нашими семействами, крестьянами и достойным в ближайшем соседстве к Черноморской кордонной линии, дабы удаляясь из среды разношерстных шапсугских обществ, независимо и безопасно действовать и служить для пользы русского правительства. Почему избрали мы для нового нашего поселения участок зем-

ли, представляющий достаточные удобства к обитанию, лежащий при военной Абынской дороге между рр. Аушецем и Кунисом, ближе к сему последнему. Избранный нами участок земли лежит впусе и удален от мест, населенных шапсугами...

Мы вышеозначенные закубанские армяне Аслан, Борок, Пшемаф и Гапак Богорсуки объявляем теперь, что как мы, так и предки наши до сего времени пользовались между шапсугами всеми правами и преимуществами местному дворянству предоставленными. Фамилия наша издревле дворянством, духовенством и народом тако же точно была почитаема как и известная дворянская шапсугская фамилия Абат. Мы ныне переносим наше водворение в ближайшее к Черноморской кордонной линии место поставляем себе в следующие обязанности в отношении к русским: 1) искренно и нелицемерно желаем утвердить и запечатлеть давнюю уже преданность нашу к русскому правительству присягой на верно-подданство его величеству государю императору всероссийскому. Почему усердно просим примя от нас сказанную присягу в залог прочного благосостояния нам и детям нашим; 2) Будем оказывать услуги русскому начальству во всех возможных для нас случаях и всеми возможными средствами; в особенности же будем стараться предупредить начальство о всяких неприятных со стороны горцев против русских предзнаменениях и предприятиях; 3) Будем стараться посредством торговли способствовать сближению горцев с русскими.

В замену того со стороны русского начальства просим милостивого к нам внимания, покровительства и в потребных случаях защиты, и вообще – чтобы жить нам при таких вольностях и льготах как все мирные черкесы живут за Кубанью. А дабы предполагаемое поселение наше вполне и постоянно соответствовало изъясненному обязательству с нашей стороны, то мы на будущее время будем приглашать к себе подобных нам переселенцев не иначе как из людей благомыслящих и добросовестных, из коих о каждом своевременно будем доводить до сведения начальства». [Подписи по-армянски].

Войсковое начальство, отмечает Колесов, в лице Раппиша не препятствовало такому переселению, но оно по каким-то причинам все же не произошло. (Колесов В. И. Из истории черкесогоаев Богарсуковых: переселение в Россию и актуализация идентичности // <http://slavakubani.ru/print.php?table=1&type=1&id=381>).

Переселение большого рода Богарсуковых состоялось в 1853 г. Впоследствии их потомки стали преуспевающими купцами, общественными деятелями и меценатами. Журнал «Хачкар» отмечает, что Никита Павлович Богарсуков, «развивая армянские связи (постро-

ил церковь в Новороссийске, являлся ктителем церкви Успения Пресвятой Богородицы в Екатеринодаре), не порывал с черкесскими своими товарищами, друзьями и компаниями. Воспитанный в горском духе, проводил в жизнь патриархальные традиции своих кунаков». (Богарсуковы // <http://www.khachkar.ru/encyclopedia/?id=194>).

Торговый дом «Братья Богарсуковы» являлся одним из крупнейших в России. Сефербий Сиюхов в своих «Миниатюрных рассказах» упоминает красивый особняк, построенный в 1900 г. братьями Богарсуковыми – Мэджлышем (Никитой Павловичем), Къашатыром и Христофором. В этом особняке проходили театральные постановки. Так, в январе 1914 г. здесь состоялся благотворительный спектакль «Наезд Кунчука», организованный Черкесским благотворительным обществом. (Сефербий Сиюхов. Избранное. Нальчик: «Эль-Фа», 1997. С. 69). После революции у дома купцов Богарсуковых сменилось множество хозяев, пока в начале 60-х годов его не передали Краснодарскому краеведческому музею.

Священник И. Хозров стал одним из немногих армянских авторов, которые были лично знакомы с состоянием армянской общины в Черкесии до начала массового переселения ее в русские пределы. Хозров писал о черкесских армянах: «Тамошние армяне ничем не отличаются от черкесов – тот же язык, обычаи, нравы, кушанья, домашняя утварь и одежда. Армянского языка не знают, и те имеют небольшое понятие о вере, которые находят в частых сношениях с армянами, живущими в Черномории». (Цит. по: Аракелян Г. С. Черкесогоаи. С. 30).

Ф. А. Щербина называет Хозрова Хазаровым и приводит большими выдержками его статью из газеты Кавказ (1846 г., № 40): «Екатеринодарские армяне приводили часто ко мне черкесов и говорили, что они армяне; но я не мог в них узнать не только армян, но и христиан. При понуждении их подойти к моему благословлению, желая показать себя христианами, они вместо крестного знамени прикладывали руку ко лбу, делали ею на груди какое-то движение, вовсе не умея креститься». (Щербина Ф. А.

А.А. Тарасов.

История Армавира и черкесогоаев. Екатеринодар, 1916. С. 47).

После 1850 г. царская администрация пришла к выводу, что переселение черкесогоаев в основном завершено, но, на самом деле, значительная их часть еще оставалась в Черкесии. Их переселением по собственной инициативе стал заниматься адмирал Л. М. Серебряков, сам армянин по происхождению. Он намеревался всех оставшихся в горах черкесогоаев поселить в Новороссийске, однако это удалось ему сделать лишь отчасти.

Польский офицер Теофил Лапинский, находившийся в Черкесии в 1857-1859 гг., зафиксировал наличие значительного армянского населения: «Некоторое количество армян живут еще до сего времени разбросано в собственных коммунах в стране адыгов и в целом составляют приблизительно 300 дворов с населением в 6000 душ. Они приняли язык, обычаи и нравы, короче говоря – весь образ жизни адыгов, но строго сохранили свои старые религиозные обряды. Однако в этом и состоит вся их религия: они соблюдают множество постов, их хижины полны икон, которые они получают из Грузии; они не имеют духовенства и принимают участие, когда представляется случай (и они не могут без этого обойтись), в христианских или языческих богослужениях абазов (в системе словоупотребления Лапинского этнонимы *адыг* и *абаз* являются синонимичными понятиями. – Прим. С. Х.); или совершают также с магометанами омовение и молитвы. Они, правда, принимают участие во всех больших сражениях с русскими, и хотя не так воинственны, но зато ведут свое хозяйство лучше и они состоятельнее, чем абазы. Они часто также торговцы и маклеры». (Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Пер. В. К. Гарданова. Нальчик: «Эль-Фа», 1995. С. 75).

Самир ХОТКО.
(Продолжение следует).

Начальник вольной армянской дружины и волостной старшина О.Х. Шоров.